Юлия Соло

Кровь Яви и Нави

Юлия Соло

Кровь Яви и Нави

«Автор»
2026

Соло Ю.

Кровь Яви и Нави / Ю. Соло — «Автор», 2026

Пятьсот лет назад Велес полюбил смертную — и его сына боги заклеймили Печатью: силу заперли, любовь запретили, а его самого отправили скитаться среди смертных без имени.Теперь опальный воевода Ратибор приходит в северное Белогорье, где граница Яви и Нави истончилась до предела. В кузнице старого Демьяна живёт травница Мирослава: в её ладонях горит огонь Живы, и лишь она видит, как чёрный лёд Нави ползёт по жилам раненых.Пророчество Братства Кузни гласит: Печать Велеса — ключ, что может запереть врата Нави. Но жрецы Морены собирают Орден Белого Пепла, а в Мёртвой степи просыпается Чернобог. Боги хотят повернуть ключ иначе — не запереть дверь, а отворить пропасть.Только вдвоём смертная и Полубог могут перековать проклятие в замок — если успеют до первого снега.«Кровь Яви и Нави» — первая сага «Кузнеца порога» о том, что тюрьму, выкованную богами, можно перебить клятвой и переплавить в ключ. Но цена у такой перековки одна — всё, что называли домом.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
Кровь Яви и Нави

Кровь Яви и Нави

Часть I. Печать Велеса

Пролог. Из Тьмы и Пепла

В начале не было ни неба, ни земли, ни звонкого бега весенних ручьёв, ни тёплого дыма над бревенчатыми избами. Была лишь бескрайняя, ледяная Тьма — немое Безвременье, в котором не рождался звук и не дрожала ни единая тень.

В этой слепой, бездонной пустоте, где холод не знал меры, а ночь не ведала утра, вспыхнула первая искра Рода. Она была крошечной, будто уголёк, упавший в глубокий сугроб, но её тихого, упрямого жара хватило, чтобы всколыхнуть мёртвый Океан Тьмы. Из той искры проросло Мировое Древо — могучий, несокрушимый дуб, чьи корни ушли в самую глубь ледяных бездн, ствол распрямился в срединном просторе, а золотая крона раскинулась в вышине, разорвав вечную ночь на три яруса.

Так родились три мира.

Наверху, в сияющей кроне, раскинулась Правь — светлая обитель бессмертных богов, где течёт живая вода и звучат нерушимые законы мироздания. В самом низу, среди чёрных, переплетённых корней, залегла холодная, сумрачная Навь — царство теней, ушедших душ, туманов и первородного страха. А посередине, между светом и тьмой, расстелилась Явь — зелёный, ветреный, звонкий мир камня, рек, дремучих лесов и живой плоти.

Долгое время Явь оставалась пустой. Звери бродили по нехоженым чащам, орлы парили над седыми хребтами, но некому было разжечь костёр на берегу реки и некому было сложить песню о красоте нового мира. И тогда бог-кузнец Сварог и светлая богиня любви Лада спустились на берег большой северной реки, набрали мягкой речной глины, смешали её с тёплой золой небесного горна, омыли утренним туманом и вдохнули в слепленные фигурки искру живого дыхания.

Так на свет появились первые люди.

Но не всем в чертогах Прави и Нави пришлись по нраву новые обитатели Яви. Когда владычица зимы и смерти Морена и тёмный бог Чернобог впервые спустились взглянуть на творение Сварога, они лишь презрительно усмехнулись, глядя, как неуклюжие, беззащитные существа жмутся друг к другу на холодном ветру, кутаясь в звериные шкуры.

— Погляди на них, брат, — с ледяным смехом произнесла Морена, проводя бледной ладонью по воздуху и вызывая первый иней на траве. — Ни когтей, ни клыков, ни бессмертной мощи. Век их короток, как дыхание на морозе. Мелкие, пугливые песцы, что дрожат от каждого порыва ветра, роют норы в земле и грызутся за тёплое место у костра!

Прозвище прилипло мгновенно. Боги Прави и Нави стали называть людей «песцами» — свысока, с насмешливой жалостью или брезгливым равнодушием.

Однако вскоре насмешка сменилась тревогой, а затем — лютой ненавистью.

Боги сами были пленниками собственной природы. Громовержец Перун не мог не метать молнии в тучах, Морена не могла не нести стужу, а Чернобог не мог не сгущать мрак. Но «песцам» Род подарил то, чего не было даже у бессмертных — свободную волю и горячую, непредсказуемую кровь.

Прошли века, и жалкие «песцы» научились обманывать холод, приручать огонь в каменных очагах, ковать железо, переплывать бурные моря и любить вопреки любым родовым запретам. Они рвали нити судьбы, которые пряла богиня Макошь, и сами выбирали, кем им быть — трусами или героями. Для Морены и Чернобога смертные превратились в опасный, неуправляемый сорняк, способный со временем поколебать вечную власть богов над миром.

Но самый страшный удар по законам Прави и Нави нанёс один из них самих.

Велес — мудрый, двуликий бог дикой природы, тайных знаний и вечный страж границы между мирами живых и мёртвых — полюбил смертную девушку-ведунью из северного лесного племени. В ней не было ни капли божественной крови, лишь ясные, честные глаза, пахнущие полынью руки и сердце, не боявшееся ни стужи, ни темноты. От этого запретного союза на свет появился Сын — первый Полубог, в жилах которого слились бессмертная, тёмная магия Нави и горячая, живая кровь «песцов».

Узнав о рождении дитяти, способного одинаково свободно шагать и по светлым тропам Прави, и по мёртвым пустошам Нави, боги пришли в ярость. Мать мальчика сгорела в ледяном пламени гнева Морены, а на самого Полубога боги наложили нерушимое проклятие. Велес не смог спасти сына от приговора совета богов, но сумел сохранить ему жизнь: он выковал на груди мальчика раскалённую Печать Велеса, намертво заперевшую его божественную силу и бессмертие, и отправил его в Явь — веками скитаться среди смертных в облике обычного воина, не зная ни покоя, ни права на взаимную любовь.

Прошло пятьсот лет. Граница между Явью и Навью истончилась до предела. На севере снова зашевелились древние ордена, задымились забытые капища Морены — и в глухом порубежном княжестве Белогорье наступила осень, которой суждено было пробудить спящую кровь богов и навсегда изменить судьбу всех «песцов».

Акт I. Трещина на границе

Глава 1. Искры на снегу

Осень в Белогорье в тот год сломалась за одну ночь — не мягким, неторопливым увяданием жёлтой листвы, а резким, колючим ударом стужи, пришедшим со стороны глухих северных хребтов.

Ещё вчера вечером по булыжной мостовой посада бежали тёплые дождевые ручьи, а на рассвете Мирослава распахнула скрипучие ставни горницы и замерла на пороге. Весь двор от кузницы до самого колодца укрыл тонкий, неестественно чёрный иней. Трава под ним не просто пожухла — она стала хрупкой, как пережжённая бумага, а вода в деревянной кадушке у крыльца промёрзла до самого дна плотным, мутным, серым льдом, какого старожилы не помнили даже в крещенские морозы.

Мирослава накинула на плечи тёплый овчинный тулупчик, туго заплела длинную тёмно-русую косу и спустилась по деревянным ступеням во двор. В воздухе пахло не привычным октябрьским дымком берёзовых поленьев и прелой листвой, а странной, режущей ноздри сыростью — словно откуда-то из дальних болотных топей потянуло стылым погребом и старыми костями.

В кузнице у каменной ограды уже вовсю гудел раздуваемый мехами горн, и звонко, мерно пела наковальня под тяжёлым молотом отца.

Демьян Кузнец был человеком кряжистым, широкоплечим, с густой проседью в окладистой бороде и спокойными, глубокими глазами мастера, который сорок лет разговаривал с железом на одном ему понятном языке. Увидев дочь на пороге, он опустил молот, вытер широкой ладонью закопчённый лоб и хмуро кивнул в сторону распахнутых ворот кузницы:

— Видела, Мира, что за ночь натворило? Не к добру такой иней в Покров ложится. С вечера вороньё с севера тучей летело, а под утро на заставе у Соснового бора колокол тревожный дважды ударил — и замолк.

Мирослава подошла к жаркому горну, протянув озябшие за ночь пальцы к золотистым углям. И в ту же секунду вздрогнула: привычный, ровный жар огня вдруг отозвался внутри её собственных ладоней не внешним теплом, а странным, глубоким, пульсирующим откликом — как под кожей проснулся и зашевелился второй, скрытый очаг.

Она поспешно отдёрнула руки и спрятала их в складках шерстяного передника, стараясь не выдать внезапного волнения. Эта странность преследовала её уже вторую неделю с тех пор,

как умерла бабка Ведана — старая сельская травница, научившая внучку различать целебные коренья, заживлять рваные раны и заговаривать кровь. Перед самой смертью бабка крепко сжала ладонь Мирославы своими сухими, холодными пальцами и прошептала: «Не бойся огня в руках, внучка. Когда придут тёмные гости из-за речки Смородины, только твой свет их и остановит».

— Ты заварила отвар из зверобоя и брусничного листа, как я просил? — негромко спросил отец, понизив голос и бросив быстрый, настороженный взгляд на улицу. — К полудню с северной заставы должны привезти двух раненых охотников, что вчера ушли в Чернолесье и нарвались на волчью стаю. Обычный лекарь княжеский там не справится — раны у них, сказывают, не звериные.

— Всё готово, батюшка, и мазь на живице с полынью согрета, — ровно ответила Мирослава, но внутри у неё сжалось нехорошее предчувствие. — А ты сам-то отчего с ночи не спал? Я видела, как ты после полуночи из кузницы выходил и в тайнике под порогом заговорённый клинок перекладывал.

Демьян замер с клещами в руке. На секунду на его обветренном, покрытом сажей лице отразилась смутная тревога, но он тут же взял себя в руки и твёрдо произнёс:

— Не твоя то забота, дочка. Бери сумку с травами и ступай к воротам заставы — люди ждут, а мне ещё нужно успеть подковы для княжеской дружины доковать до приезда столичного гостя.

— Какого ещё столичного гостя? — удивилась Мирослава, накидывая платок на голову.

— Опального воеводу Ратибора прислали из княжьего стола границу нашу проверять, — ответил отец, отворачиваясь к горну. — Сказывают, человек он суровый, нелюдимый, вечно в чёрном плаще ходит и никому в глаза не смотрит. Иди, Мира, не задерживайся.

Она вышла из кузницы на стылую, хрустящую от чёрного инея улицу посада, крепко прижимая к груди кожаную сумку с травами и склянками. В груди всё так же глухо и горячо билась непонятная искра, а навстречу ей с дальнего конца главной дороги уже доносился тяжёлый, тревожный перестук копыт и хриплые крики стражи у северных ворот. Осень в Белогорье закончилась — начиналась долгая, безжалостная зима.

Глава 2. Чёрный лёд

Улица посада, обычно в утренний час пахнущая тёплым ржаным хлебом из пекарен, свежим конским навозом и горьковатым дымком ольховых поленьев, сегодня словно вымерла. Ставни крайних изб были наглухо затворены изнутри, у колодца ни души, лишь старый лохматый пёс кузнеца, Серый, жался к ногам Мирославы, скуля и прижимая уши к голове всякий раз, когда с севера налетал порыв колючего ветра.

Мирослава шла быстро, высоко подбирая подол тёмно-синей шерстяной поневы, чтобы не цеплять жёсткий, хрустящий под сапогами чёрный иней. Внутри всё ещё дышал недавний жар из отцовского горна — ладони горели так, будто она только что держала в них раскалённые клещи.

«Не к добру пёс воет, и вороньё на кресты не садится — кружит над самым частоколом, будто падаль чует», — пронеслось в голове. Упрямая складка легла между её тёмными бровями. Другая девка на её месте давно бы заперлась в подклети и шептала обереги Макоши, но Мирослава с детства не терпела слепого страха, от которого стынет кровь и опускаются руки. Если в дом пришла беда, на неё нужно смотреть в упор, а не прятать голову под подушку.

У северных ворот заставы, сложенных из потемневших от времени лиственничных брёвен, толпились десятка два мужиков-ополченцев и княжеских дружинников. Говорили вполголоса, тревожно оглядываясь на низкую стену Чернолесья, подступавшую к самому рву. Стоило Мирославе подойти ближе с кожаной сумкой травницы через плечо, как стражники расступились, крестясь и шепча вслед старые приметы:

— Гляди, Демьянова дочка идёт... Слава Сварогу, хоть кто-то с зельем поспел. А то наш лекарь, Игнат, как глянул на них, так и сел на снег, слова вымолвить не может.

У самой караульной избы, прямо на расстеленных рогожах, лежали двое.

Мирослава опустилась на колени рядом с ближним — молодым охотником Еремеем, которого знала с малых лет — и на миг задержала дыхание. В нос ударил резкий, ледяной, сладковато-гнилостный запах стылой болотной тины и жжёного железа — то самое дыхание Нави, о котором бабка Ведана рассказывала шёпотом в долгие зимние вечера.

Еремей был жив, но дышал редко и хрипло, с мучительным свистом. Лицо его посерело, губы посинели, а из-под разорванного на плече тулупа проступало не красное мясо и не тёплая кровь, а нечто пугающее: края глубокой рваной раны покрывал плотный, прозрачный, будто стекло, чёрный лёд. Он не таял на воздухе, а медленно, с тихим, едва слышным хрустом полз по жилам к шее, стягивая кожу мёртвой коркой.

— Зверь так не рвёт, Мирослава, — прохрипел стоявший рядом десятник заставы, сжимая древко рогатины так, что побелели костяшки пальцев. — Нашли их на рассвете у старого капища на Волчьем ручье. Ни следов волчьих на снегу, ни крови. Будто тень из чащи вышагнула, когтем полоснула — и холод в жилы пустила.

Мирослава не стала тратить время на причитания. Она достала из сумки глиняный горшочек с густой янтарной мазью на сосновой живице и полыни, зачерпнула полную горсть и приложила прямо к обледенелой ране.

Мазь зашипела, как вода на раскалённой сковороде, но чёрный лёд даже не дрогнул — напротив, он мгновенно схватил целебную смесь твёрдой коркой, а Еремей выгнулся дугой и застонал сквозь стиснутые зубы.

— Не берёт зелье... — растерянно выдохнула Мирослава.

И тут же, глядя на ползущий к сердцу парня мёртвый холод, она почувствовала, как внутри поднимается знакомая, упрямая волна ярости и того самого странного, живого огня, что проснулся утром в кузнице. Не думая о последствиях и не слушая шепотков за спиной, Мирослава сорвала с руки шерстяную рукавицу и прижала голую, горячую ладонь прямо поверх чёрного льда на плече охотника.

Холод ударил в кожу так резко, словно она схватилась за кусок зимнего железа. Но Мирослава не отдёрнула руку — стиснула зубы и мысленно позвала тот тёплый, золотистый свет, что бился у неё под рёбрами.

По её пальцам пробежала тонкая, почти невидимая на дневном свету золотая искра. Чёрный лёд на плече Еремея треснул с сухим, звонким щелчком, пошёл мелкими трещинами и за пару ударов сердца растаял, обернувшись тёмной, дымящейся водой. Из очищенной раны впервые хлынула живая, алая человеческая кровь, а синева с губ парня начала медленно отступать.

Толпа дружинников за спиной испуганно ахнула и шарахнулась на шаг назад:

— Свят-свят... Ведовство! Голыми руками мороз Нави растопила!

— Замолчите, дурни! — резко, звенящим голосом оборвала их Мирослава, перевязывая рану чистым льняным полотном, хотя у самой от внезапной слабости закружилась голова и потемнело в глазах. — Человек от смерти ушёл, а вы языками мелете! Несите его в тёплую избу к печи, живо!

— Верно говорит девка. Языками молоть много ума не надо, а вот против холода Нави голыми руками встать — тут порода нужна.

Голос прозвучал негромко, с низкой, хрипловатой сталью, но все у ворот мгновенно замолчали и расступились.

В проёме северных ворот, спешившись с крупного вороного коня, стоял высокий, широкоплечий мужчина в тяжёлом чёрном плаще, подбитом волчьим мехом, и потёртой кожаной броне, покрытой дорожной изморозью. На вид ему было около тридцати лет — суровое, обвет-

ренное лицо с резкими скулами, тёмные, чуть вьющиеся волосы до плеч, перехваченные кожаным ремешком, и удивительные глаза: светло-серые, почти серебряные, с острым, тяжёлым взглядом человека, который слишком долго смотрел в темноту и перестал её бояться.

Опальный воевода Ратибор.

Он медленно подошёл ближе, не обращая внимания на испуганные поклоны десятника, и остановился в двух шагах от Мирославы. Серебряные глаза внимательно, цепко скользнули по её побледневшему лицу, затем опустились на её правую ладонь, где всё ещё едва заметно тлело красное пятно от недавнего ожога льдом.

Мирослава не отвела взгляда и не опустила голову, как полагалось простой посадской девке перед княжеским воеводой. Напротив — она выпрямилась во весь рост, сжимая ремень сумки, и вдруг замерла: от этого незнакомца пахло не только дорогой, лошадиным потом и сталью. За его плечами колыхалось нечто иное — низкий, тяжёлый отзвук древней грозы, лесной чащи и раскалённого железа, от которого у самой Мирославы под воротом рубахи вдруг заныло и вспыхнуло жаром в груди.

А сам Ратибор на долю секунды нахмурился и невольно прижал широкую ладонь в кожаной перчатке к левой стороне груди поверх брони — туда, где под кольчугой и льняной рубахой впервые за долгие десятилетия обжигающе, требовательно запеклась старая Печать Велеса, почуяв в смертной девчонке искру той самой силы, которой боги боялись больше всего.

— Как зовут тебя, травница? — спросил воевода, не сводя с неё прищуренного взгляда.

— Мирослава, дочь Демьяна Кузнеца, — твёрдо ответила она, чувствуя, что с этой минуты её прежняя, тихая жизнь в Белогорье кончилась навсегда.

Глава 3. Сговор на крови

Возвращаясь от северных ворот в посад, Мирослава старалась дышать ровно, но внутри всё ходило ходуном. Осенний ветер с реки нёс ледяную крошку, и под сапогами всё так же противно хрустел чёрный иней. Ладонь, которой она только что прикоснулась к мёртвому льду на плече Еремея, больше не жгло — на коже осталось лишь тусклое, чуть зудящее розовое пятно, как от летнего ожога крапивой. Но под рёбрами всё ещё билось непривычное, тяжёлое тепло, а перед глазами стоял острый, серебряный взгляд столичного воеводы Ратибора.

Она толкнула тяжёлую дубовую калитку родного двора — и сразу остановилась.

В кузнице у каменной ограды не было ни звука. Не гудели раздуваемые меха, не пела наковальня под молотом отца, только тонкая струйка сизого дыма лениво тянулась из трубы в низкое свинцовое небо. Зато из открытых сеней избы доносились приглушённые, жёсткие голоса: один — низкий, хрипловатый, принадлежавший отцу, а второй — вкрадчивый, тягучий, с неприятной, елейной распевкой, от которой у Мирославы всегда сводило скулы.

Тиун князя Белогорья, боярин Микула.

Мирослава бесшумно ступила на деревянные мостки сеней, прижалась плечом к косяку и замерла, прислушиваясь. Из горницы пахло тёплым ржаным хлебом, кислой капустой и горьковатой полынью — привычным, домашним духом, который вдруг показался чужим и тревожным.

— Ты упрямство своё кузнечное брось, Демьян, — тягуче говорил боярин Микула, и по скрипу скамьи было слышно, как он вальяжно откинулся назад. — Князь наш, Всеслав, слово своё уже дал. Завтра на закате прибудет в Белогорье молодой боярич Глеб из рода Войславичей с дружиной. Свадьбу сыграем тихо, без лишнего шума, в Покровскую седмицу. Дочка твоя девка видная, смирная, травами владеет — лучшей жены для наследника союзного удела не сыскать. А тебе за это князь освобождение от всех оброков на десять лет жалует и подушную подать с кузни снимает.

У Мирославы перехватило дыхание. Глеб Войславич — старший сын северного удельного боярина, которого в посаде знали как жестокого, самодовольного гуляку, не жалевшего ни коней, ни холопов.

— Не пойдёт Мирослава за Глеба, — отрезал отец. — Не пара он ей. Да и не отдавал я согласия на этот сговор, Микула.

В горнице стало тихо. Затем боярин ядовито усмехнулся:

— А твоего согласия никто и не спрашивает, кузнец. Или ты думаешь, князь не ведает, чем вы тут по ночам в своей кузне занимаетесь? Думаешь, не донесли ему, что вы в своём тайном Братстве Кузни Сварога заговорённые клинки из небесной руды куёте и старые печати у границ Нави подновляете в обход княжеской воли?

В горнице грохнул тяжёлый кулак по дубовой столешнице — так, что зазвенела глиняная крынка.

— Тише языком мели, боярин! — зарычал Демьян, и в его голосе зазвенела старая воинская сталь. — Не ваше то дело — тайны кузнечного ремесла. Мы границу от нежити держим, пока вы в теремах меды пьёте да с волхвами-отступниками шепчетесь!

— Вот за эти самые шепотки и ответишь, если упрямиться станешь, — ледяным, змеиным тоном отрезал Микула. — Князь Всеслав нынче союз с Войславичами и северными жрецами Белого Пепла заключает, чтобы княжество от мороза и мора уберечь. А твоя дочь — залог этого союза. Откажешься отдать девку добром — завтра же утром тебя и твоего младшего пацана, Тимошку, возьмут в железа за тайное ведовство и крамолу против князя. Думай до заката, кузнец.

Скрипнула лавка, зазвенели шпоры. Мирослава едва успела отступить в тень чулана за кадкой с мукой, как боярин Микула вышёл из горницы, поправляя соболью шапку с кривой, торжествующей ухмылкой, и хлопнул дверью сеней.

Мирослава не стала тратить время на прятки и не стала ждать, пока отец позовёт её сам. Она распахнула дверь в горницу и вошла внутрь — прямая, бледная, с тёмными, горящими от ярости глазами.

Демьян сидел за столом, схватившись закопчёнными, натруженными руками за седую голову. Увидев дочь на пороге, он вздрогнул и поднял на неё тяжёлый, виноватый взгляд:

— Слышала всё, дочка?

— Слышала, батюшка, — твёрдо ответила Мирослава, подходя к столу и ставя кожаную сумку с травами на лавку. — Не бывать этой свадьбе. И тебе с Тимошкой в железа идти не дам.

Демьян горько усмехнулся, качая головой:

— Эх, Мира, горячая твоя голова... Против княжеской дружины и Войславичей одним молотом не выстоишь. А у меня на руках ещё брат твой малый, одиннадцати годков. — Он замолчал, прислушался к тишине за окном и вдруг понизил голос до едва слышного шёпота, вглядываясь в лицо дочери: — Ты у северных ворот была? Видела раненых с заставы?

— Видела. На плече у Еремея чёрный лёд Нави полз к сердцу. Мазь не взяла — я рукой его сняла.

Отец медленно выдохнул и прикрыл глаза, будто услышал то, чего боялся и ждал одновременно.

— Значит, проснулась в тебе искра... Бабка твоя, Ведана, перед смертью правду сказала. Слушай меня внимательно, дочка, времени у нас до заката. Боярин Микула не зря про жрецов Белого Пепла помянул. Князь Всеслав в страхе перед чёрными морозами продал душу волхвам Морены, а твой жених, Глеб Войславич, везёт в Белогорье не свадебные дары, а тёмных жрецов для кровавого обряда на старом капище. Они хотят разорвать границу Нави и выморозить всех «песцов», кто не поклонится их ледяной богине.

Мирослава слушала, чувствуя, как по спине пробегает холодок, но страх уступал место ясной, трезвой решимости:

— А воевода Ратибор? Он же из столицы приехал границу проверять. Неужто он заодно с князем?

Демьян поднял голову, и в его глазах мелькнул странный, глубокий отблеск старой веры:

— Ратибор не слуга князю Всеславу и не игрушка в руках столичных бояр. Ты видела его глаза? В Братстве Кузни из века в век передаётся древнее пророчество о первом Полубоге — сыне Велеса и смертной ведуньи, на груди которого горит раскалённая Печать Велеса. Боги наложили её как проклятие, чтобы запереть его силу и обречь на вечное одиночество среди смертных. Но старые рудознатцы говорили: та же Печать — единственный ключ, способный запереть врата Нави и сломать вечный договор между богами и «песцами». Только вот беда — Ратибор сам не знает, кому верить, и смотрит на всех людей как загнанный волк.

— Значит, придётся ему поверить, — непреклонно сказала Мирослава, сжимая пальцы в кулак. — Потому что ни я, ни ты, ни Тимошка на заклание к жрецам Морены не пойдём.

В сумерках, когда над Белогорьем опустилась низкая, стылая темнота и зажглись первые огни на сторожевых башнях, в ворота кузницы осторожно, со стоном привалился ночной гость — и жизнь Мирославы сделала свой первый, необратимый поворот.

Глава 4. Ночной гость у горна

Октябрьская ночь опустилась на Белогорье рано и тяжело. В избах посада ещё до полуночи погасли лучины — напуганные чёрным инеем люди наглухо задвинули засовы, заложили пороги рябиновыми ветками от нечисти и затаились в темноте, прислушиваясь к вою ветра в печных трубах.

В кузнице Демьяна не гас только один тлеющий горн. Остывающие угли под слоем серой золы дышали ровным, сухим жаром, пахло окалиной, берёзовым дёгтем, горькой полынью и старым железом. Демьян ушёл в горницу укладывать спать одиннадцатилетнего Тимошку, а Мирослава осталась у наковальни — перебирала пучки сушёного зверобоя и точила на оселке короткий охотничий нож, который с детства носила за поясом.

Снаружи, со стороны огородов, уходящих к самой границе Чернолесья, вдруг коротко взлаял старый пёс Серый — не злобно, а приглушённо и тревожно, и тут же смолк.

Мирослава замерла, положив нож на край верстака, и прислушалась. Сквозь свист ветра в щелях дощатых ворот донёсся тяжёлый, неровный шаг, хруст мёрзлой травы и сдавленный, хриплый выдох, словно кто-то из последних сил тащил на себе непосильную ношу.

Через мгновение в дубовую створку ворот без стука привалилось тяжёлое тело.

Мирослава не стала звать отца и не стала прятаться за горном — схватила железный засов, откинула его и рывком приоткрыла дверь. На пороге, ухватившись за косяк побелевшими пальцами в рваной кожаной перчатке, стоял воевода Ратибор.

Его тяжёлый чёрный плащ, подбитый волчьим мехом, был разорван на правом боку, а по тёмной коже нагрудника и подолу рубахи медленно, вязко расползалось тёмное пятно, подёрнутое знакомым, зловещим серым инеем. В свете тлеющих углей горна лицо воеводы казалось высеченным из серого речного камня — резкие скулы заострились, по виску текла тёмная струйка крови, но серебряные глаза горели всё тем же холодным, упрямым, звериным упорством.

— Не закрывай, травница... — прохрипел он, переступая порог и с трудом удерживая равновесие. — Княжеским стражникам и лекарю Игнату об этом знать не след. У них теперь свои хозяева в посаде.

Мирослава молча подставила плечо под его тяжёлую, ледяную от ночной стужи руку, помогая дойти до широкой дубовой лавки у самой стены, и плотно задвинула засов изнутри, накинув сверху тяжёлую железную цепь.

— Где тебя так зацепило, воевода? — без суеты спросила она, подбрасывая в горн сухих берёзовых щепок, чтобы разжечь яркий свет, и ставя на железную треногу котелок с водой.

— У Волчьего ручья, за старым капищем, — коротко ответил Ратибор, откидываясь затылком к бревенчатой стене и сжимая зубы, когда попытался снять пропитанный кровью плащ. — Пошёл по следу тех, кто утром твоих охотников порвал. Нарвался на гончую Нави —

тварь из ледяного тумана и волчьих костей. Меч её взял только со второго удара, когда заговорённый клинок из небесной руды выхватил, но когтем она мне бок успела полоснуть.

Мирослава подошла ближе, достала нож и без лишних церемоний разрезала промёрзшую, задубевшую от крови ткань рубахи на его правом боку. Увиденное заставило её сжать губы: глубокая рваная рана по краям уже схватывалась тем самым прозрачным, стеклянным чёрным льдом, который утром едва не убил Еремея. Но здесь холод шёл глубже и быстрее — от раны по коже тянулись тонкие, пульсирующие тёмно-синие прожилки, уходящие прямо к груди.

А там, на левой стороне груди воеводы, сквозь распахнутый ворот льняной рубахи Мирослава впервые увидела то, о чём шёпотом рассказывал отец.

В смуглую, покрытую старыми шрамами кожу воеводы был как вплавлен сложный, древний знак — переплетённый рогатый круг, похожий одновременно на следы дикого зверя и на древнюю руну границы. Сейчас этот знак тускло, болезненно тлел багровым, угольным жаром, отчаянно сопротивляясь ползущему с правого бока чёрному ледяному яду Нави.

Печать Велеса.

Ратибор перехватил её взгляд, криво, горько усмехнулся и попытался прикрыть грудь краем рубахи:

— Нагляделась на клеймо, травница? Теперь можешь бежать к князю Всеславу — за голову проклятого зверя он тебе мешок серебра отсыплет и от свадьбы с Войславичем избавит.

— Я не торгую теми, кто пришёл под мой кров за помощью, воевода, — спокойно, но с резкой, упрямой обидой ответила Мирослава, опускаясь перед ним на колени и зачерпывая из миски чистую тёплую воду. — И серебра княжеского мне не надобно. Сиди смирно, сейчас больно будет.

Она промыла рану отваром горькой полыни и зверобоя, затем вытерла руки о чистый передник и посмотрела прямо в его настороженные, настороженно-прищуренные серебряные глаза:

— Травы эту дрянь не возьмут, ты и сам знаешь. Придётся огнём снимать. Не дёргайся.

Мирослава глубоко вдохнула, нащупала внутри тот самый тёплый, живой золотистый очаг под рёбрами и приложила обе ладони прямо поверх кровоточащей, обледенелой раны на боку Ратибора.

В ту же секунду в кузнице словно вспыхнула тихая молния.

Золотое, тёплое сияние хлынуло из ладоней Мирославы в ледяную плоть воеводы. Чёрный лёд Нави зашипел, как вода на раскалённом железе, раскололся на мелкие осколки и мгновенно испарился густым белым паром. Но вслед за этим произошло то, чего не ожидал ни один из них: Печать Велеса на груди Ратибора отозвалась на живой свет богини Живы раскатистым, раскалённым всплеском.

Багровое пламя клейма и золотой свет ладоней Мирославы сомкнулись в единую дугу. Ратибор застонал, схватившись здоровой рукой за край дубовой лавки так, что затрещало дерево — вековая ледяная тяжесть, сковывавшая его грудь пять сотен лет, на миг отступила, обдав его забытым, пьянящим теплом живой человеческой крови. А сама Мирослава ощутила, как сквозь её ладони в сердце ударил чужой, бездонный, древний гул — запах ночного хвойного леса, звон волчьих троп, вековая тоска одинокого странника и низкий, нерушимый зов древнего бога границы.

Огонь в ладонях погас так же внезапно, как и вспыхнул. В кузнице снова стало темно и тихо, лишь потрескивали угли в горне.

Рана на боку Ратибора стянулась ровной, чистой розовой кожей — от чёрного яда Нави не осталось ни следа. Но сама Мирослава, обессиленная отданной жизненной силой, покачнулась и едва не упала лицом на земляной пол.

Сильные, тёплые руки воеводы подхватили её за плечи раньше, чем она успела коснуться земли. Он бережно придержал её, вглядываясь в побледневшее лицо с тем новым, потрясённым выражением, в котором больше не было ни тени прежнего холодного недоверия.

— Откуда в тебе свет Живы, дочь кузнеца? — почти шёпотом спросил Ратибор, не отпуская её плеч.

— Из той же глины и тумана, что и у всех «песцов», воевода, — выдохнула Мирослава, глядя ему прямо в глаза. — Только мы больше не намерены прятаться в норах, пока твои боги делят нашу землю.

Глава 5. Тайна старого капища

Тихий, тяжёлый скрип дубовой двери со стороны двора заставил обоих вздрогнуть. Ратибор мгновенно метнулся рукой к поясу, нащупывая рукоять меча, но Мирослава коротко покачала головой:

— Свои. Батюшка пришёл.

В кузницу вошёл Демьян. В левой руке он держал тусклый роговой фонарь, а в правой — заговорённый меч из тёмного, узорчатого железа, который днем перекладывал в тайнике. Увидев живого, невредимого воеводу, сидящего на дубовой лавке, и бледную, прислонившуюся к наковальне дочь, старый кузнец медленно опустил клинок и тяжело перевёл дух.

— Значит, не обмануло стариковское чутьё, — произнёс Демьян, запирая засов на второй оборот. — Клеймо Велеса на груди и свет Живы в ладонях встретились под одной крышей. Садись к огню, воевода, не тяни руку к стали — в этом доме врагов у тебя нет.

Ратибор медленно отпустил рукоять меча, но садиться не стал. Он подошёл к горну, глядя на пляшущие в золе багровые язычки пламени, и заговорил низким голосом, в котором впервые зазвучала усталость веков:

— Я не зря искал следы у Волчьего ручья, мастер Демьян. Старое капище на границе Чернолесья, которое ваши деды засыпали землёй и завалили валунами триста лет назад, снова вскрыто.

Демьян нахмурился, его густые седые брови сдвинулись к переносице:

— Не может того быть. Там камни заговорённые лежали, печатью Сварога скреплённые. Простому человеку их и десятью упряжками не сдвинуть.

— А их и не люди сдвигали, — жёстко отрезал Ратибор. — На границе сошлись жрецы Ордена Белого Пепла и воины боярича Глеба Войславича. Они привезли с собой чёрную соль из соляных копей Нави и пролили на камни кровь пленного волхва. Печать Сварога треснула. Ночью через эту щель просочились первые гончие и ледяной туман — тот самый, что выжег траву в вашем посаде. Но это лишь разведка, кузнец.

Мирослава, сидевшая на краю лавки с кружкой горячего травяного отвара, подняла голову:

— Когда они ударят в полную силу, воевода?

Ратибор повернулся к ней. Серебряные глаза в свете горна казались почти белыми, будто два осколка речного льда.

— Завтра в полночь, в канун Покрова, когда ночь длиннее дня, а граница между Явью и Навью истончается до толщи паутины. Для полного обряда им нужна не простая кровь, а искра живой божественной силы. Я думал, они ищут древний алтарный камень, но теперь понимаю: они знали, что в Белогорье спит наследница рода Живы. Именно поэтому Войславич так спешит со свадьбой — он хочет привести тебя на капище не в терем, а под нож жрецов Морены.

В кузнице повисло тяжёлое, гулкое молчание. Слышно было только, как за бревенчатыми стенами завывает стылый северный ветер да тихо шипит вода в закалочном корыте.

Мирослава сжала глиняную кружку так, что побелели костяшки пальцев. Страх, ещё час назад холодной змеёй шевелившийся под сердцем, окончательно сгорел, уступив место низкий, упрямой ярости.

— Не бывать тому, — твёрдо сказала она, поднимаясь на ноги. — За что боги так ненавидят нас, Ратибор? Мы пашем эту землю, куём железо, растим детей, никого из Прави или Нави к себе не зовём. Почему Морена зовёт нас «песцами» и хочет выморозить до последнего дома?

Воевода долго смотрел на неё — на растрёпанную тёмно-русую косу, на сажу на щеке, на горящие тёмные глаза, в которых не было ни капли рабской покорности.

— Потому что боги — рабы своей стихии, Мирослава, — ответил он, опускаясь на край лавки напротив горна. — Морена не умеет греть, Перун не умеет прощать, Чернобог не ведает света. Они вечны, но мёртвы в своей неизменности. А вам Род дал право выбирать. Вы можете струсить и предать, а можете шагнуть в огонь ради ближнего, переломив судьбу, которую пряла Макошь. Для богов Нави ваша свободная воля — как кость в горле. Пока живы «песцы», боги не могут стать полными владыками мира.

— А ты сам? — в упор спросила Мирослава, глядя на тлеющую сквозь разрез его рубахи багровую Печать. — Ты на чьей стороне, воевода?

Ратибор усмехнулся — коротко, горько и безрадостно:

— Я ни на чьей, травница. Для Прави я — выродок, нарушивший закон бессмертных. Для Нави — предатель, носящий клеймо отца. Для людей — чужак, которого боятся даже те, кого я спасаю. Но сегодня ночью, когда твои ладони коснулись моей раны, Печать на моей груди впервые за пятьсот лет перестала жечь как тюремная цепь. Если мы не остановим жрецов Белого Пепла завтра до полуночи, к утру от Белогорья останутся только ледяные статуи.

Демьян шагнул вперёд и положил перед Ратибором на наковальню принесённый меч. Клинок из тёмного узорчатого железа мелодично зазвенел, поймав отблеск горна.

— Это клинок небесной руды, кованный по завету Сварога и хозяйки Медной горы, — твёрдо сказал кузнец. — Он рубит плоть Нави так же легко, как сухую лозу. Но вдвоём мы против дружины Войславича и тёмных волхвов не выстоим. Нужно поднимать посад и идти на Волчий ручей на рассвете, пока враг не успел разжечь алтарный огонь.

Однако судьба распорядилась иначе. Едва Демьян договорил, как со стороны главной площади посада донёсся резкий, набатный удар сторожевого колокола, а за ним — низкий, нечеловеческий вой, от которого задрожали стёкла в узких слюдяных оконцах кузницы. Твари Нави не стали ждать полуночи.

Глава 6. Жертва Белого Пепла

Набатный колокол на сторожевой вышке посада бил часто, захлёбываясь и срываясь на дребезжащий, жалобный стон — так бьют только тогда, когда враг уже перемахнул через частокол и огонь лижет соломенные крыши.

Мирослава распахнула тяжёлые ворота кузницы первой, не дожидаясь окрика отца. В лицо ударил резкий, ледяной ветер, смешанный с едким дымом горящего сена и тем самым сладковато-гнилостным духом стылой болотной тины, который она запомнила утром у северных ворот.

Посад утопал в сером, ползучем тумане. Он стелился по земле густыми, тяжёлыми клубами, гасил факелы на воротах изб и замораживал лужи до звонкого чёрного стекла. Из этого

тумана доносились отчаянные женские крики, храп перепуганных коней, лязг железа и жуткий, хриплый, клокочущий лай, от которого леденела кровь в жилах.

— Сюда! В кузницу бегите, бабы! За каменную ограду! — гремел со двора низкий, могучий голос Демьяна, схватившего тяжёлый двуручный кузнечный молот.

Из соседних ворот с криками и плачем выбегали соседи — беременная молодуха Агафья с двумя малыми ребятишками, хромой дед Гордей и плотник Никита с топором в руках. Демьян пропускал их за каменную стену двора, в глубь просторной кузницы, где гудел и пылал жаркий горн, отгоняя своим живым огнём мёртвую стужу.

Мирослава бросилась к дому, чтобы забрать младшего брата. Одиннадцатилетний Тимошка уже сам выскочил на крыльцо в накинутом поверх рубахи тулупчике, сжимая в руках тяжёлые кузнечные клещи. Увидев сестру, мальчишка не заплакал — только бледные губы дрогнули:

— Мира, там у колодца... волки огромные, из дыма словно сшитые! Дядьку Елисея с ног сбили!

— В кузницу беги, Тимоша, к батюшке! И от горна ни на шаг не отходи! — крикнула Мирослава, подталкивая брата к каменной ограде, а сама повернулась к распахнутой калитке, откуда уже доносился тяжёлый топот копыт и грубые, торжествующие выкрики всадников.

В просвет улицы, разгоняя серый туман факелами, вылетел конный отряд под стягом с чёрным волком — дружина боярича Глеба Войславича. Сам наследник северного удела ехал впереди на крупном сером жеребце, в богатом кольчужном панцире, поверх которого была наброшена волчья шуба. На его молодом, хищном лице с узкими, злыми глазами играла пьяная от крови и власти ухмылка.

А рядом с ним, на низкорослой чёрной кобыле, ехал человек в длинном балахоне из некрашеного белёного холста, забрызганного тёмной, бурой кровью. Лицо его скрывал глубокий капюшон, но в костлявых руках жрец Ордена Белого Пепла сжимал высокий посох, увенчанный черепом тура, в глазницах которого тлели два мёртвых голубых огонька.

— Вон она, кузнецова дочка! — взвизгнул тиун Микула, скакавший по правую руку от боярича, тыча пальцем в сторону двора. — Берите девку живьём, боярич Глеб! Она жрецу для алтаря до полуночи нужна! А кузнеца с выродками — в огонь!

— Попробуйте взять, псы! — раздался низкий, рычащий голос из тени кузницы.

На середину двора, заслоняя собой ворота кузницы и спрятавшихся внутри женщин, шагнул Ратибор. Без плаща, в одной тёмной кожаной броне, с обнажённым заговорённым клинком Сварога в правой руке, он казался вытесанным из чёрного гранита. А под распахнутым воротом рубахи на его груди сквозь ткань проступало тусклое, пульсирующее багровое сияние — Печать Велеса просыпалась, чуя близкую тёмную волшбу.

Войславич осадил коня у самой калитки, презрительно скривив губы:

— Гляди-ка, столичный выкормыш! Не успел приехать, а уже за кузнецову девку впрягся? Руби его, ребята!

Четверо дружинников с обнажёнными мечами рванулись во двор, но в следующий миг из серого тумана за их спинами с жутким визгом выпрыгнули две ледяные гончие Нави — огромные, тощие твари с прозрачными рёбрами, сквозь которые светился мёртвый синий огонь. Одной лапой гончая сбила с ног крайнего дружинника, впиваясь ему в горло, а вторая прыгнула прямо на Мирославу, стоявшую у крыльца.

Время как растянулось. Мирослава видела разинутую пасть, полную ледяных клыков, и чувствовала обжигающий холод, от которого занемели пальцы. Внутри с новой силой ударил страх — старый, человеческий страх «песца» перед зверем. «Не справлюсь... сожрёт...» —

мелькнуло в голове, но следом зазвенел в ушах тихий, строгий голос бабки Веданы: «Не бойся огня в руках, внучка...»

Мирослава не отступила. Она выхватила из очага у порога кузницы пылающую головню и одновременно выставила вперёд левую руку, выпуская наружу весь жар, что скопился у неё под сердцем.

Золотой сноп искр рванул с её ладони навстречу ледяной пасти. Тварь Нави взвыла человеческим голосом, когда живой огонь Живы обжёг её морду, отшатнулась — и в тот же миг сверху опустился заговорённый клинок Ратибора, разрубая призрачную плоть пополам. Гончая рассыпалась облаком чёрного пепла и звонких ледяных осколков.

— Ведовство! — заорал жрец Белого Пепла, вскидывая посох с черепом тура. — Сила Живы в ней! Окружай двор!

Жрец ударил посохом о мёрзлую землю, выкрикивая тягучие, каркающие слова на забытом языке Нави. Чёрный лёд мгновенно рванул от ворот по земле, сковывая ноги защитников двора, а из тумана показались ещё пятеро упырей с мёртвыми, белыми глазами.

Ратибор рубил врагов молча и страшно — каждый удар меча из небесной руды высекал голубые искры и отбрасывал нападавших, но людей Войславича и тварей Нави было слишком много. Демьян стоял плечом к плечу с воеводой, круша щиты и шлемы тяжёлым кузнечным молотом, прикрывая отход раненых в каменную кузницу.

— Уходи в кузницу, Мира! Запирайся изнутри! — крикнул отец, отражая удар копья.

Но Мирослава видела, что жрец Белого Пепла уже наводит посох прямо в спину Ратибору, занятому двумя мечниками Войславича. Чёрная молния Нави сорвалась с рогов тура — и Мирослава, не раздумывая ни мгновения, бросилась между ними, вскинув обе руки и ставя перед собой живой огненный щит.

Удар тёмной магии и пламени Живы столкнулись в воздухе с громовым грохотом, от которого вылетели слюдяные оконца в избе. Взрывная волна отбросила жреца с коня в сугроб, но и саму Мирославу швырнуло спиной на каменную стену кузницы. В глазах вспыхнули багровые круги, из носа потекла тёплая кровь — плата за магию огня оказалась жестокой.

— Отходим к кузне! — рявкнул Ратибор, подхватывая оглушённую девушку одной рукой и отбиваясь мечом от наседающих врагов.

Они успели втиснуться в тяжёлые дубовые ворота кузницы за мгновение до того, как в них вонзились десятки стрел и ударили топоры дружины Войславича. Тяжёлый железный засов лязгнул на месте — но за стенами уже разгоралось зарево пожара, а снаружи нарастал низкий, торжествующий смех врагов, обложивших их со всех сторон.

Глава 7. Клятва у наковальни

В просторной каменной кузнице было жарко, тесно и гулко. Снаружи в толстые, окованные железом дубовые ворота с треском били тяжёлые брёвна и топоры дружинников Войславича, а сквозь узкие вентиляционные отдушины под самой кровлей сочился едкий, удушливый дым горящей соседней избы и ледяной смрад Нави.

В дальнем углу за горном, прижавшись к тёплой кирпичной кладке, тихо плакали малые ребятишки молодухи Агафьи. Рядом бледный, но удивительно собранный Тимошка крепко сжимал в руках тяжёлые кузнечные клещи, не сводя испуганных глаз с растрёпанной сестры.

Мирослава сидела на перевёрнутой колоде у наковальни, переводя дух. После столкновения с чёрной молнией жреца Белого Пепла голова раскалывалась так, словно по вискам били молотом, во рту стоял солёный вкус крови, а пальцы на обеих руках мелко дрожали от выжженного изнутри жара. Но стоило ей увидеть дрожащего младшего брата и напуганных баб, как она стиснула зубы, вытерла рукавом кровь с подбородка и поднялась на ноги.

У самой наковальни стояли двое — её отец Демьян, с рассечённой бровью и окровавленным молотом в руке, и воевода Ратибор, прислушивающийся к утробному гулу за стенами.

На груди воеводы под порванной рубахой тревожно, неровно пульсировало багровое сияние Печати Велеса.

— Ворота долго не устоят, кузнец, — с холодной трезвостью воина произнёс Ратибор, оглядывая каменные стены. — Княжеские дружинники бьют тараном, а жрец Морены уже тянет к стенам чёрный лёд — дуб промёрзнет и разлетится в щепки через полсотни ударов. Если у тебя есть тайный ход из кузни, открывай сейчас. Иначе всех, кто внутри, перережут, а твою дочь уволокут на капище.

Демьян медленно обвёл взглядом родную кузницу — чёрный от сажи свод, гудящий горн, старую наковальню, на которой ещё его прадед ковал первые заговорённые клинки по завету Сварога. На обветренном лице старого мастера не дрогнул ни один мускул — только глубокие морщины у глаз стали ещё резче.

— Есть ход, воевода, — ответил отец, подходя к самому горну. — Под угольной ямой спуск в старую рудную штольню, по которой наши предки ещё при первых князьях ходили к Уральским предгорьям. Штольня выведет прямо к Волчьему броду за стеной Чернолесья, в обход всех застав Войславича.

Он нагнулся, ухватился за тяжёлое железное кольцо, вмурованное в каменный пол за зольником, напряг могучие плечи — и со скрежетом откинул массивную чугунную плиту. Из чёрного провала снизу пахнуло сырой землёй, холодным камнем и спасительной тишиной.

— Спускайтесь все, живо! — приказал Демьян, поворачиваясь к замершим у стены женщинам. — Никита, бери факел от горна, веди баб и ребятишек первым! Тимоша, иди за ними, держись за рукав Агафьи!

Соседи, крестясь и шепча благодарности, торопливо начали спускаться по скользким каменным ступеням в подземелье. Мирослава схватила с полки кожаную сумку с травами и склянками, обернулась к отцу — и вдруг замерла, видя, что Демьян даже не думает спускаться следом. Старый кузнец взял со стойки свой тяжёлый двуручный молот и повернулся лицом к трещащим под ударами воротам.

— Батюшка, ты что задумал?! — выдохнула Мирослава, чувствуя, как ледяная рука сжимает горло. — Иди с нами! Плиту закроем сверху, они не найдут ход!

Демьян посмотрел на дочь таким глубоким, спокойным и светлым взглядом, что у неё перехватило дыхание.

— Если пса не задержать у порога, он по следу в любую нору залезет, дочка, — непреклонно сказал отец, кладя широкую, мозолистую ладонь ей на плечо. — Жрец Белого Пепла почует твой огонь сквозь землю. Кто-то должен остаться здесь, раздуть горн добела и задержать их у наковальни, пока вы не дойдёте до Волчьего брода.

— Нет! Я не оставлю тебя одного! — крикнула Мирослава, бросаясь к нему, но Ратибор жёстко, железной хваткой перехватил её за плечи, не пуская к дверям.

— Отпусти меня, воевода! Это мой отец! — рванулась она, ударяя кулаками в кожаную броню Ратибора, но тот держал её крепко, с мрачным, тяжёлым уважением глядя на старого кузнеца.

— Слушай отца, Мирослава, — тихо произнёс Ратибор. — Он выбрал смерть воина, а не раба. Не обесчести его жертву слезами.

Демьян подошёл к дочери на шаг, снял со своей шеи тяжёлый железный медальон с выбитым знаком огненного креста Сварога и надел его поверх её платка. Затем коснулся тёплыми, загрубевшими пальцами её щеки:

— Береги Тимошку, Мира. И не бойся своей силы — Род дал нам свободную волю не для того, чтобы мы кланялись ледяным идолам. Иди с воеводой, дочка. Он твой щит, а ты — его свет. Клянись мне у наковальни, что не сдашься Нави и дойдёшь до конца!

Слёзы обжигали щёки, но Мирослава проглотила горький комок в горле, выпрямилась и положила ладонь на тёплую сталь отцовской наковальни:

— Клянусь, батюшка. Клянусь жизнью и кровью.

В тот же миг раздался раскатистый треск — обледеневшие створы ворот рухнули внутрь двора, и в проёме показались клинки дружинников Войславича и чёрные тени упырей.

— Уходите! — зарычал Демьян, разворачивая тяжёлый молот и обрушивая его на голову первого ворвавшегося врага с такой силой, что зазвенели стены.

Ратибор подхватил Мирославу, буквально втолкнул её на каменные ступени подземелья, сам спрыгнул следом и с лязгом захлопнул над их головами тяжёлую чугунную плиту, задвинув изнутри старый засов.

Наверху гремел яростный бой, звенела сталь, раздавались крики врагов и могучий, громовой рык старого кузнеца. А потом прогремел раскатистый взрыв — это Демьян последним ударом молота обрушил раскалённый горн и бочку с горючим маслом прямо на головы ворвавшихся жрецов Морены, унося их с собой в очищающее пламя.

В полной темноте подземелья Мирослава прижалась лбом к холодному камню стены, беззвучно плача и сжимая в руке отцовский железный оберег. Посад остался позади, детство сгорело в огне кузницы — впереди лежала только глухая тропа в северные чащобы и опасный путь в неизвестность.

Глава 8. Бегство в чащобу

Подземная рудная штольня тянулась под корнями вековых сосен почти три версты. В узком, низком каменном коридоре пахло сырой глиной, холодной известковой водой и старым железом. Единственный смоляной факел в руках плотника Никиты бросал на мокрые своды рваные, пляшущие тени, а за спинами беглецов ещё долго стоял низкий, подземный гул от обрушившегося горна кузницы.

Мирослава шла впереди, крепко держа за руку бледного, притихшего Тимошку и другой рукой прижимая к груди отцовский железный оберег Сварога. Слёзы на щеках давно высохли, оставив только горькую, жгучую пустоту под сердцем. Она не позволяла себе оглядываться назад: если бы она сейчас дала волю отчаянию, страх мгновенно передался бы младшему брату и измученным соседям.

Замыкал шествие Ратибор. Воевода шёл бесшумно, как лесной зверь, с обнажённым клинком в руке, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к каменным стенам. На его груди под льняной рубахой всё ещё тлело тусклое багровое сияние Печати Велеса, будто предупреждая о близости тёмной силы.

Через час подземный ход круто пошёл вверх, упёршись в густое сплетение корней старой ели, за которыми пробивался тусклый, серый свет предрассветных сумерек. Ратибор осторожно раздвинул промёрзшие ветви, выглянул наружу и бросил через плечо:

— Выходим по одному, тихо. Мы у Волчьего брода.

Из подземелья они выбрались в глубокий, заросший буреломом овраг у самой кромки дремучего северного леса. Над вершинами чёрных сосен вставало мутное, пепельное утро. Ветер стих, но в воздухе звенел такой стылый холод, что даже дыхание вырывалось изо рта белыми, тяжёлыми клубами пара.

Едва последняя из женщин, беременная Агафья, выбралась из-под корней на мёрзлую хвою, как с противоположного берега неширокой, схваченной первым льдом речки донёсся резкий, гортанный свист и звонкий стук копыт по промёрзшей гальке.

— Дозор Войславича, — сквозь стиснутые зубы процедил Ратибор, мгновенно пригибая Мирославу за валун. — Они перекрыли брод заранее. Видать, знали про старые рудные тропы.

На противоположном берегу из-за редкого ивняка выехали шестеро конных дружинников в островерхих шеломах и волчьих дохах. Десятник дозора, привстав в стременах, вглядывался в туман над водой, держа наготове тяжёлый лук. Ещё мгновение — и всадники заметили бы тёмные фигуры беглецов в овраге, на открытом месте у самой кромки леса.

— Веди людей в чащу по звериной тропе вдоль ручья, Мирослава, — коротко приказал Ратибор, перехватывая меч поудобнее. — Не оглядывайся. Я задержу их на броде и догоню по следу.

— Шестеро конных против одного пешего? — резко прошептала Мирослава, хватая его за кожаный рукав брони. — Ты ранен был час назад, воевода! Они тебя конями затопчут!

Ратибор повернул к ней суровое, обветренное лицо. В серебряных глазах на долю секунды мелькнуло удивление от того, что смертная девчонка думает о его жизни раньше, чем о собственном спасении, а затем губы его тронула короткая, суровая усмешка:

— Не затопчут, травница. В лесу пеший волк всегда сильнее конного. Уводи брата и баб, иначе все поляжем.

Он не стал ждать ответа — бесшумной тенью скользнул вдоль оврага вниз к воде, скрывшись за заснеженным валежником.

Мирослава стиснула зубы, подхватила Тимошку за плечо и торопливым, но твёрдым шёпотом подняла соседей:

— За мной, гуськом, ступайте след в след, не хрустите ветками!

Они едва успели скрыться за плотной стеной вековых елей, как позади, у самого Волчьего брода, разорвал тишину яростный конский рёв, лязг сталкивающейся стали и пронзительный крик. Сквозь просветы в хвое Мирослава на миг обернулась — и замерла.

Ратибор бился на кромке льда так, как не сражался ни один смертный воин. Он двигался с пугающей, нечеловеческой скоростью, уходя из-под занесённых копий, одним ударом заговорённого клинка Сварога перерубая древки и сбивая всадников из сёдел. Когда двое дружинников попытались зайти ему со спины, воевода развернулся, и из-под его брони вырвался короткий, низкий звериный рык — на миг глаза его вспыхнули чистым, расплавленным серебром, а конские морды в ужасе шарахнулись в сторону, сбрасывая седоков в ледяную воду.

Через сотню ударов сердца всё было кончено. Четверо врагов остались лежать на чёрном льду, а двое уцелевших всадников в диком ужасе погнали коней прочь от берега, крича что-то про лесного оборотня.

Спустя четверть часа, когда беглецы углубились в густой, нехоженый ельник, где даже ветер стихал под тяжестью мохнатых лап деревьев, позади раздался тихий, ровный шаг. Из чащи вышёл Ратибор. На его плече темнела свежая царапина от стрелы, клинок был в тёмной крови, но дышал он ровно и спокойно.

Увидев живого воеводу, Агафья и Никита повалились перед ним на колени в снег, кланяясь в пояс.

— Поднимитесь, — с заметной неловкостью бросил Ратибор, отводя взгляд в сторону. — Не перед кем тут кланяться. Вставайте, нужно идти дальше. К вечеру доберёмся до заброшенного скита старых волхвов у Кривого озера — там стены крепкие и очаг есть, бабам и детям передохнуть можно.

Мирослава подошла к нему ближе, молча достала из сумки чистую тряпицу и приложила к рассечённому плечу. На этот раз она не стала звать внутренний огонь — просто перевязала рану обычным способом, но посмотрела прямо в его холодные серебряные глаза:

— Спасибо тебе, воевода. За отца, за брата и за всех нас.

Ратибор на мгновение замер, глядя на её перепачканное сажей лицо и упрямый, честный взгляд, затем коротко кивнул:

— Долг платежом красен, дочь кузнеца. Но главная дорога у нас ещё впереди.

Глава 9. Союз на крови

К вечеру серый, морозный сумрак окончательно накрыл северный лес, превратив вековые ели в низкие, чёрные стены. Усталые беглецы с трудом пробирались по нехоженому бурелому — Агафья держалась за живот, дыша на каждом шагу, Тимошка стиснул зубы, стараясь не отставать от взрослых, а старый дед Гордей опирался на плечо плотника Никиты.

Когда за густым ельником наконец показались сложенные из потемневших замшелых валунов стены старого волховского скита на берегу замёрзшего Кривого озера, даже суровый Ратибор едва заметно выдохнул. Скит стоял на высоком каменистом мысу, укрытом со всех сторон буреломом и болотистыми топями — сюда не вела ни одна княжеская дорога, а местные охотники обходили это место стороной, боясь древних обережных знаков, вырезанных на стволах сосен.

Внутри оказалось сухо и удивительно тихо. В центре просторной каменной горницы складывался широкий очаг из дикого камня, вдоль стен тянулись широкие дубовые лавки, а в углу нашёлся запас сухого смолья и старых оленьих шкур. Плотник Никита быстро высек искру огнивом, разжёг огонь, и через четверть часа по стенам заплясали тёплые, живые золотые блики, прогоняя сырой лесной холод.

Агафья с ребятишками и Тимошка, согревшись у огня и поев сушёного мяса с ржаными сухарями из походного мешка Ратибора, быстро уснули на шкурах в дальнем углу. Никита и дед Гордей вызвались первыми дежурить у узких оконных бойниц.

Ратибор вышёл на каменное крыльцо скита, выходящее к чёрной, затянутой молодым льдом глади Кривого озера. Морозный ветер трепал его тёмные, перехваченные кожаным ремешком волосы, а под тяжёлым волчьим плащом тускло, неровно пульсировала багровым светом Печать Велеса.

Мирослава вышла следом, плотнее кутаясь в тёплый платок. Она подошла к краю крыльца и встала рядом, вглядываясь в низкую, звёздную темноту над озером.

— Завтра на рассвете плотник Никита поведёт женщин, деда и твоего брата дальше на юг, к дальним посадским слободам за рекой, — не оборачиваясь, произнёс Ратибор. — Туда гончие Нави и люди Войславича ещё не дотянулись, там они будут в безопасности. А нам с тобой, дочь кузнеца, дорога лежит в другую сторону — на север, к заброшенному святилищу Велеса у подножия Каменного Пояса.

Мирослава повернула к нему голову. В свете звёзд скулы воеводы казались высеченными из тёмного речного камня, а серебряные глаза смотрели и прямо.

— Ты уверен, что там мы найдём способ закрыть трещину у Волчьего ручья? — спросила она, сжимая пальцами отцовский железный оберег на груди. — Жрецы Белого Пепла уже пролили кровь на алтарь Морены. Если граница рухнет раньше, чем мы дойдём до святилища, нежить хлынет по всем княжествам.

— Одна искра Живы в твоих ладонях не удержит разлом, Мирослава, — жёстко и честно ответил Ратибор, поворачиваясь к ней лицом. — Ты сама видела в кузнице: за каждый огненный щит ты платишь собственной кровью и жизненной силой. Ещё две такие схватки — и твоё смертное тело сгорит дотла раньше, чем ты успеешь поднять руки. А моя сила заперта под Печатью отца. Чтобы запечатать врата Нави и остановить Морену, нам придётся соединить твой живой огонь и моё клеймо.

Над озером, в ночи, ухнул филин. Мирослава выдержала его изучающий взгляд без тени страха:

— Что для этого нужно, воевода?

Ратибор расстегнул верхнюю пряжку кожаной брони и отвернул край льняной рубахи на груди. В темноте ночи древняя Печать Велеса горела ярче, чем в кузнице — переплетённый рогатый круг словно дышал раскалённым углём, выжигая кожу изнутри.

— Древний закон границы гласит: смертный и носитель печати богов могут разделить силу только через союз на крови, — сдержанно произнёс он. — Я научу тебя управлять огнём Живы, чтобы ты не сжигала себя заживо при каждом заклятии. А ты станешь моим якорем в Яви, когда мы подойдём к святилищу и мне придётся приоткрыть Печать, чтобы не утонуть в безумии Нави. Но предупреждаю сразу, Мирослава: скрепив кровь, мы свяжем наши жизни.

Если погибну я — угаснет твой огонь. Если падёшь ты — Печать разорвёт мне сердце. Решай сейчас, пока не поздно уйти с братом на юг.

Мирослава на мгновение замерла. В ушах снова зазвучал низкий удар отцовского молота о наковальню, треск рушащихся ворот кузницы и хриплый шёпот бабки Веданы: «Только твой свет их и остановит». Если она уйдёт на юг и спрячется за чужими спинами, чёрный лёд Морены всё равно настигнет их к середине зимы. «Песцы» не выживают в норах, когда горит весь лес.

Она вытащила из-за пояса свой короткий охотничий нож, полоснула лезвием по левой ладони и протянула её воеводе, глядя ему прямо в серебряные глаза:

— Я уже дала клятву у наковальни отца, Ратибор. Я не прячусь. Давай свой нож.

Ратибор долго смотрел на неё — в его холодном, волчьем взгляде впервые мелькнуло нечто похожее на искреннее, глубокое потрясение. Он молча выхватил кинжал, надрезал собственную ладонь и крепко сжал её руку своей.

Горячая, алая кровь смертной ведуньи и тёмная, обжигающая кровь Полубога смешались между их ладонями. В ту же секунду по земле под их ногами пробежала тихая тёплая дрожь, Печать Велеса на груди Ратибора вспыхнула ровным, спокойным золотисто-багровым светом, а в ладонях Мирославы впервые загудел не обжигающий, разрушительный жар, а чистый, послушный, живой огонь.

Союз был заключён. Отныне их судьбы сплелись в один неразрывный узел, распутать который не смогли бы даже боги Прави и Нави.

Глава 10. Первая цена огня

Предутренний час в заброшенном волховском скиту на берегу Кривого озера был самым студёным и глухим. В каменной горнице догорали последние угли в очаге, пахло тёплой овчиной, горьким дымком можжевельника и свежей полынью, которой плотник Никита обложил порог на случай ночной нежити. Беглецы ещё спали вповалку на шкурах в дальнем углу: бережно укрытая тулупом Агафья, прижавшийся к ней Тимошка и тихо похрапывающий дед Гордей.

Мирослава не сомкнула глаз. Перевязанная чистым холстом левая ладонь тупо ныла, но эта боль была не пугающей, а странно ясной — как через тонкий порез в её жилы влилась струя горного ключа, смывшая прежнюю слепую растерянность. Она сидела у потухающего очага, глядя на отблески углей, когда скрипнула дубовая дверь и с крыльца вернулся Ратибор.

Воевода снял заиндевевший волчий плащ, стряхнул с плеч мелкую ледяную крупу и остановился напротив неё. В свете углей его резкое, обветренное лицо казалось высеченным из тёмного камня, а серебряные глаза смотрели внимательно и строго.

— До рассвета осталось меньше двух часов, дочь кузнеца, — произнёс он, опускаясь на дубовую лавку рядом. — Как только забрезжит серый свет, Никита поведёт женщин и твоего брата на юг, к переправе у Соколиных круч. А нам пора уходить на север. Но прежде чем мы переступим порог этого скита, ты должна усвоить первый урок.

— Урок? — Мирослава подняла на него тёмные, чуть прищуренные от усталости глаза. — Мы в бегах, воевода, за нами по пятам идут люди Войславича, а ты собрался учить меня, как травницу-недоучку?

Ратибор усмехнулся коротко и жёстко, без тени веселья:

— В кузнице ты швырялась огнём Живы, как слепой медвежонок лапами машет. Ещё два таких слепых удара — и ты сама себе сердце выжжешь дотла раньше, чем до нас доберётся жрец Морены. Магия «песцов» держится не на слепой ярости, Мирослава. Она держится на Слове и Мере. Протяни руки.

Мирослава на мгновение нахмурилась — привычка не подчиняться чужим приказам спорила со здравым смыслом, но память об отцовской клятве у наковальни взяла верх. Она медленно протянула обе ладони к едва тлеющим углям очага.

Ратибор накрыл её запястья своими широкими, тёплыми пальцами. В ту же секунду на его груди под льняной рубахой тихо отозвалась Печать Велеса, посылая по рукам воеводы ровную, глубокую дрожь.

— Закрой глаза, — приказал он низким, властным голосом, от которого внутри всё невольно затихло. — Не тяни жар из крови рывком. Слушай, как огонь дышит в очаге. Он не рвёт дрова на куски, он медленно берёт ровно столько, сколько нужно, чтобы согреть избу. Огонь Живы в тебе — не дикий пожар, а живое семя. Назови его шёпотом. Не кричи, не требуй — позови по имени, как зовут верного пса у крыльца.

Мирослава прикрыла веки. Внутри, под рёбрами, всё ещё тлел знакомый золотистый уголёк, оставленный в роду бабкой Веданой. Раньше она вырывала его наружу от страха и злости, словно выхватывала голыми руками раскалённую кочергу из горна. Теперь же, чувствуя спокойную, твёрдую опору ладоней Ратибора на своих запястьях, она глубоко вдохнула, отпустила тревогу и почти неслышно выдохнула древнее слово, само всплывшее из глубин памяти:

— Жива...

Тёплая золотая волна прошла по рукам мягко, без боли и удушливого жара. Над её раскрытыми ладонями расцвёл ровный, чистый, золотистый огонёк величиной с лесной орех — он не обжигал кожу, но от его тихого сияния по всей каменной горнице мгновенно разлилось сухое, весеннее тепло, пахнущее цветущей липой и тёплым дождём.

— Вот так, — одобрил Ратибор, отпуская её запястья. — Теперь удержи его десять ударов сердца и погаси не рывком, а на выдохе. Запомни главное правило границы: каждая капля силы, взятая сверх меры, оплачивается твоей собственной жизнью.

Она погасила огонёк мягким выдохом. Впервые за эти страшные сутки голова не закружилась, а в груди осталась ясная, спокойная сила.

Когда над вершинами чёрных сосен начало проступать мутное, пепельное утро, в горнице зашевелились проснувшиеся беглецы. Прощание у каменного крыльца скита было коротким и горьким. Одиннадцатилетний Тимошка вцепился в рукав сестры, изо всех сил сдерживая слёзы:

— Мира, я с тобой пойду! Я клещами и топором владеть умею, батюшка учил!

Мирослава опустилась перед братом на колени, крепко обняла его и поправила на нём отцовский овчинный тулупчик:

— Нет, Тимоша. Батюшка велел мне тебя сберечь. Ты теперь за старшего мужчину в семье остаёшься, пока я не вернусь. Слушайся дядьку Никиту, береги Агафью и малых. Я обязательно найду вас, слышишь?

Она прижала брата к груди в последний раз, поднялась на ноги и, не позволяя себе оглянуться, шагнула следом за Ратибором в густой, заиндевевший ельник, уводящий на север — к древним капищам и землям Каменного Пояса.

А в это же самое время на дымящемся пепелище кузницы в Белогорье стояли двое. Боярич Глеб Войславич с перекошенным от ярости лицом пинал сапогом обгоревшие брёвна, а рядом с ним с коня медленно сходил высокий старец в белоснежном, расшитом серебряными рунами плаще. Его длинные седые волосы рассыпались по плечам, а бледные, почти прозрачные глаза смотрели на след беглецов, уходящий к Волчьему броду.

Верховный волхв Ордена Белого Пепла, Велемир, опустил сухую ладонь на чёрный иней у порога кузницы и зловеще улыбнулся:

— Значит, проклятый полукровка Велеса всё-таки нашёл искру Живы... Что ж, боярич Глеб, труби сбор дружины и посылай гонца в столицу к княжне Любаве. Охота на «песцов» только начинается.

Акт II. Тропой Нави

Глава 11. Охота на ведьму

На третий день пути от Кривого озера северный ветер окончательно сменился колючей, сухой позёмкой. Тропа, которой Ратибор вёл Мирославу по глухим, нехоженым отрогам Чернолесья, петляла среди вековых кедров, заваленных буреломом оврагов и замёрзших лесных ручьёв.

Мирослава шагала следом за воеводой, плотнее запахивая отцовский овчинный тулупчик. За эти трое суток её ладони огрубели от стужи, под глазами залегли тени от бессонных ночей у бездымных костров, но шаг стал ровным и выверенным. Она больше не спотыкалась о скрытые под снегом корни, научилась по полёту воронья и тишине беличьих гайн чуять близость чужого следа, а главное — каждый вечер на коротком привале по велению Ратибора вызывала на ладони тихий, золотистый огонёк Живы, учась удерживать его ровно и гасить без потери сил.

Но на рассвете четвёртого дня, когда они поднялись на высокий каменистый взгорок, откуда открывался вид на заснеженную долину Старого Тракта, Ратибор вдруг резко вскинул руку, приказывая замереть.

Внизу, по широкой лесной просеке, уходящей к переправе через реку Смородину, двигался большой конный отряд.

Мирослава прижалась к стволу старой сосны, вглядываясь сквозь редкий ельник. Впереди, под багровыми княжескими стягами и чёрными волчьими знамёнами Войславичей, ехали не меньше полусотни латных дружинников. Рядом с угрюмым, закутанным в волчью доху бояричем Глебом Войславичем неторопливо рысил на вороном жеребце верховный волхв Велемир в своём ослепительно-белом плаще, будто вырезанном из чистого ледяного наста.

А по правую руку от волхва, в окружении личной гвардии в серебряных шеломах, ехала всадница.

Даже издалека было видно, как гордо и прямо она держится в седле. На ней была длинная шуба из голубого песца, расшитая речным жемчугом, из-под собольей шапки выбивалась тугая, золотисто-русая коса, а холодное, безупречно красивое лицо с тонкими, высокомерными чертами казалось высеченным из дорогого белого мрамора.

Ратибор, стоявший рядом за стволом кедра, едва заметно стиснул зубы так, что заходили желваки на скулах.

— Кто она? — тихо прошептала Мирослава, уловив внезапное напряжение воеводы. — Никак сама столичная княжна пожаловала в наши низкие леса?

— Княжна Любава, племянница великого князя и невеста, которую мне три года пытались навязать столичные бояре, чтобы привязать мой меч к княжескому столу, — с горькой усмешкой ответил Ратибор, не отрывая взгляда от долины. — Она не простая теремная затворница, Мирослава. Любава с детства обучена придворной волшбе и магии слова у волхвов Прави. Гордая, безжалостная и привыкшая получать всё, на что укажет пальцем. Если Велемир втянул её в эту охоту, значит, в столице нас уже объявили государственными изменниками и еретиками.

Словно в подтверждение его слов, с просеки донёсся резкий, звонкий звук боевых рогов. Следом из авангарда отряда отделились трое всадников с медными трубами и гонцами в княжеских ливреях — они поскакали в сторону ближайших лесных слобод, чтобы прибить к воротам пергаментные грамоты с княжеской печатью. Ратибор прищурился, читая по движению всадников и знамён смысл приказа:

— Объявляют по всем погостам и слободам: за голову опального воеводы Ратибора и «чернокнижницы-ведьмы» Мирославы, сжёгшей посад Белогорья, назначена награда в сто гривен серебра и вольная грамота любому холопу. Они хотят закрыть перед нами все двери в Яви, чтобы у нас осталась только одна дорога — прямо в пасть Нави.

Мирослава посмотрела на гордую, холодную княжну в шубе из голубого песца, затем перевела взгляд на собственные обветренные, пахнущие гарью и травами руки. Внутри не шевельнулось ни зависти, ни робости перед княжеской кровью — только упрямая, трезвая злость.

— Пусть развешивают свои грамоты по соснам, воевода, — спокойно и твёрдо сказала она, поправляя за спиной заговорённый клинок отца. — Только в лесу серебро никого от чёрного льда не спасёт. Как нам обойти их заслон у реки Смородины?

Ратибор перевёл взгляд с долины на её спокойное, решительное лицо — и в его серебряных глазах впервые за утро мелькнул тёплый, одобрительный отблеск:

— Через старый курганный тракт, вдоль гиблой топи. Кони Войславича и княжны там увязнут по брюхо, а мы пройдём пешком до самой переправы. Держись ближе, дочь кузнеца — к вечеру мы выйдем к чёрной воде.

Глава 12. Переправа через Смородину

К вечеру старый курганный тракт вывел их из низкого, заваленного буреломом ельника к низкой, заболоченной пойме, где ветер внезапно стих, а воздух стал тяжёлым, влажным и горьким, словно настой полыни. Перед ними лежала Смородина — древняя пограничная река, разделяющая земли живых и сумрачные владения Нави.

Вода в ней не замерзала даже в самую лютую стужу. Она текла медленно, тяжело и бесшумно — густая, чёрная, как расплавленная смола, источающая слабый сизый пар, в котором мерещились неясные тени и слышался далёкий, жалобный шёпот забытых душ. Над водой перекинулся узкий, горбатый Калинов мост, сложенный не из брёвен и не из камня, а из побелевших от времени гигантских рёбер и позвонков неведомых древних зверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.